

ЧИТАТЕЛИ меня часто спрашивают: как, при каких обстоятельствах написали вы эту или иную песню? Расскажу о том, как возникла песня «Бирюсинка». Это одна из страничек цикла, который появится в журнале «Молодая гвардия» еще в этом году.

В 1958 году я впервые попал на Енисей и с тех пор полюбил Енисей и енисейскую Сибирь; тогда же написал цикл стихов и мечтал написать песню. Но песня не получалась.

Через два года снова приехал в Красноярский край и попал на далекую реку Бирюсу.

Попасть туда было не просто. От Красноярска надо было добраться до шелкоткацкого города Канска. Из Канска только на небольшом самолете или на машине

по довольно условной дороге можно было попасть в районный центр Абан.

Абан... два двухэтажных дома, вокруг поля и сенокосы, и тайга, и болота.

И все же это крупный центр — Абан. А вот в лесопункт Почет из Абана проехать можно на тракторе, да и то раза два в году, когда замерзли уже болота, но еще нет снеговых заносов. Или можно долететь до Почета на самолете. Нам не повезло: были дожди, и самолет не мог быть принят Почетовским аэродромом. Мы попали туда на вертолете, который охранял тайгу от лесных пожаров. На дверце вертолета было почему-то написано: «В воздухе просьба не открывать». Оказалось, нашелся один чудаков, решив-

ший выбросить в дверцу папироску. Его с трудом поймали за штанину.

Так вот, Почет — это и есть главный населенный пункт реки Бирюсы.

На осиновой долбленке и на шитике пошли мы по Бирюсе мимо села Плахино за сорок три километра в деревню Федино. А оттуда поехали на великолепном «МАЗе-501» на лесосеку.

К вечеру вернувшись с лесосеки, мы попросились в новый дом, только что срубленный, чтобы в нем передохнуть. Новый дом здесь — не редкость. Привозное в нем, собственно, только гвозди да стекло, все остальное свое, таежное. Вот в этом доме я и познакомился с Любкой.

Хозяйка нового дома, красивая, стройная женщина, поболтав с нами о

том, о сем, вдруг сказала: «Любка, спой».

И тогда из-за занавески вышла Любка. Любка шестнадцать лет. Перекинув через плечо толстую русую косу, она вдруг запела. Голос у нее был отличный — глубокий, низкий голос. И

ИЗ БЛОКНОТА
ПИСАТЕЛЯ

песни были свои, сибирские. Одна, например, начиналась так:

Вот мчится поезд
по уклону,
По красноярской
мостовой.

Не знаю, уж как там поезд мог мчаться по мостовой, но пела она удивительно.

Любке нужно было учиться, и мать попросила нас довезти ее до

Красноярска («Разве одной девочке одолеть такую дорогу!»).

Я написал о Любке стихи:

Ты завидуй той
девчонке,
Что плывет в лесной
росе
На осиновой долбленке
Вверх по синей
Бирюсе.

БИРЮСИНКА

Лев ОШАНИН

Вьется легкая
косынка,
Ветерок дразнит тугой.
Люба, любя-
бирюсинка,
Ты прощаешься
с тайгой...

Не завидуй звездным
кручам,
Любям сильным,
как гора,
Не завидуй
самым лучшим,

Что прославлены
вчера.

Ты завидуй той
девчонке,
Что плывет в лесной
росе
На осиновой
долбленке
Вверх по синей
Бирюсе.

Эти стихи были написаны в 1960 году. Опять

стихи! А как же быть с песней?

И я понял, что ведь это — песня. Собственно, еще не те слова, которые я здесь привел, а сама река Бирюса и девочка с Бирюсы. И я написал другие стихи, которые так и назвал — «Бирюсинка».

Вот это:
До свиданья,
белый город
С огоньками на весу!
Через степи,
через горы
Мне на речку Бирюсу.
Правда, сначала второй куплет кончался строчками:
Я грущу о той
девчонке.

Что плывет в лесной
росе
На осиновой долбленке
Вверх по синей
Бирюсе.

Но потом это четверостишие оказалось лишним — так сказать, ушло в подтекст. И новое стихотворение ни одной строкой не связано с той, первой «Бирюсинкой». Вернувшись в Москву,

я передал стихи композитору Эдуарду Колмановскому. Однако чуть не полгода пролежали они у него, прежде чем получилась песня. Зато уж и получилась сразу.

Дело в том, что когда композитор пишет песню, то очень часто какая-нибудь строчка ритмически неточно ложится на музыку, нужно что-то доделать, и на это нельзя обижаться. А здесь слова и музыка совпали. Только в припеве композитору понадобилось сделать некоторое расширение строки и повторить два раза слово «речка»:

Там, где речка,
речка Бирюса...
И второй строки ему оказалось мало:
Шумит поет
на голоса...

Но здесь было бы плохо повторять эти слова дважды. Я немного расширил строку:

Ломаю лед, шумит-
поет на голоса...

И песенка полетела.

А надо сказать, что в Красноярском крае две реки Бирюсы: одна ангарская, о которой я рассказал, а вторая, поменьше, впадает в Енисей почти около самого Дивногорска, где строится Красноярская ГЭС. Я не раз там бывал. И когда «Бирюсинка» прозвучала по радио, дивногорцы решили, что это их песня.

Мы приехали с Колмановским в Красноярский край и в Дивногорск — привезли им «Бирюсинку». Я никогда не забуду вечера в дивногорском клубе, вечера, на который пришло столько народу, что люди даже стояли на батареях парового отопления.

Там мы впервые показали написанную нами с

Колмановским песню «Я вернусь к тебе, Россия». И там слушатели потребовали от нас продолжения «Бирюсинки».

Да и нам самим захотелось написать ответ таежной девчонки. Так появился «Таежный вальс»:

Ты пришел к нам
таежной тропинкой,
На моем повстречался
пути.
Ты меня называл
Бирюсинкой,
Все грозил на медведя
пойти...

И вот я сейчас думаю: есть свои законы появления стихов, а свои — песен. В первый же месяц пребывания в Красноярске я написал цикл стихов. Но для того чтобы написать одну песню, понадобилось четыре года.

А недавно в Москве в новом районе назвали улицу «Бирюсинка».